

³⁴ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 2. Л. 39, 52; Ф. 396. Оп. 2. Кн. 201. Л. 124; РИБ. Т. 28. М., 1912. Стб. 91, 113, 116, 224, 227, 249, 267, 308, 319, 526, 547, 552, 553, 555–557.

³⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 2. Л. 191, 192.

³⁶ К. Минин был даже вынужден угрожать отсечением рук балахнинским купцам, а ярославских торговцев взять под арест, поскольку те не желали жертвовать своих средств на нужды II Ополчения (*Козляков В. Н.* Смута в России. С. 379, 382, 383).

³⁷ Сказание Авраамия Палицына. С. 113.

А. А. Селин

ТОРГОВЫЕ ЛЮДИ НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО В 1615–1617 гг.: В ПОИСКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОРИЕНТИРА *

Политическая ситуация, сложившаяся в Новгороде Великом после срыва присяги всего города королю Густаву Адольфу, инициированной Э. Горном, создала атмосферу страха, волнения и ожидания во всех слоях уже немногочисленного новгородского общества. Позднейшие нарративные памятники, в первую очередь Новый летописец, рисовали сусальную картину: большинство новгородцев, отказавшись от присяги, обрекли себя, вместе с «богомольцем Исидором» на страдания, храня верность царю Михаилу Федоровичу, лишь меньшая часть новгородцев, не устояв перед лишениями, пошло на присягу королю Густаву Адольфу. Эти, часто неназываемые, малодушные изменники, позднее встали на путь предательства и остались за границей.

Однако ситуация была сложнее. Решение о том, чтобы остаться в шведском подданстве большинством новгородцев, вероятно, принималось в самый последний момент, часто вследствие прямого насилия или шантажа со стороны деятелей последних шведских оккупационных властей. Мне уже приходилось подробно рассматривать вопрос о том, кто из новгородских служилых людей персонально присягнул Густаву Адольфу в 1615 г. Многие из них позже оказались на царской службе и занимали на ней видные посты. Здесь уместно обратить внимание на новгородский торговый люд, то, как он отнесся к данной присяге и на основные стратегии его поведения в последующие полтора года после Пасхи 1615 г.

Я уже писал о двух братьях Иголкиных, новгородских торговцах, чья роль в деле переговоров новгородского общества со шведскими политиками беспрецедентна¹; однако оба брата Иголкины вместе с архимандритом Никандром и другими участниками его посольства в 1615 г. оказались в Москве, захваченные псковскими казаками в Суйде (примерно в те дни, когда в Новгороде был поставлен вопрос о присяге Густаву Адольфу).

Кроме отца братьев Иголкиных Юрия, чин гостя носил еще один новгородский торговый человек начала XVII в. — Истома Демидов. Он жил в Новгороде в 1611 г. С первых месяцев шведской власти Демидов активно привлекался к государственной службе: в 1611 г. он (редкость для новгородских гостей) принял участие в дозоре Старорусского посада. 25 декабря 1611 г. Демидов был среди тех новгородцев, кто подписал приговор об отправке посольства к королю Карлу IX, а после «плебисцита» на Покров 1614 г. он подписал приговор о верности Карлу Филиппу. При этом Демидов удостоился нелестной характеристики от историка Е. И. Кобзаревой: по ее словам он, как и Первой Прокофьев, заняли при шведах «теплые места», получив посты целовальника и таможенного головы². Надо сказать, что эти «теплые места» предполагали в системе московской власти личную финансовую ответственность и являлись по сути дела службой гостей. Не присягнувшие Густаву Адольфу Демидов и Прокофьев были среди плательщиков чрезвычайных налогов и в марте 1613 г. (соответственно 22 и 20 руб.), и в 1615/16 г. (по 100 руб. каждый). Оба они названы персонально среди плательщиков солдатских денег в 1616 г. (см. табл. 1, 3). Лазутчик московских послов, отправленный со стана в Песках во время Дедеринских переговоров, Данилко Ржева, вернувшись из Новгорода, рассказывал о том, что «русским людям от немецких людей теснота великая и правежи немерные, побивают на правежах в денгах до смерти... А то перво де на новгородцах на Иване Харламове, да на Юрье Иголкине, да на Истома Демидове с товарищи на двунатцати чело-векех правят 1700 рублей»³. Двор гостя Демидова находился на Лубянице в Лукинской трети: палата каменная, под ней «два погребка каменные ж, а у той полаты и у погребов двои двери железные, а третьи двери деревянные, у полаты два окна с затворы з железными»⁴. В 1630 г. Демидов вновь, как и при шведах, служил в Новгороде таможенным головой⁵.

Первой Прокофьев — второй из наиболее известных новгородских торговых людей, упоминаемых в источниках 1611–1617 гг. Как я упоминал выше, Е. И. Кобзарева считала его позицию коллаборационистской, не забыв, впрочем, отметить, что в 1613 г. он подписал приговор об отправке в Выборг посольства хутынского архимандрита Киприана, а осенью 1614 г. был среди тех, кто отказался присягнуть Густаву Адольфу⁶.

С именем Прокофьева связано возникшее в мае 1627 г. в Новгороде дело о частном владении подлинной ратификационной грамотой мирного Столбовского договора, в котором встречаются имена многих других представителей новгородского купечества эпохи Смуты. Допрошенный по этому делу сын Прокофьева Степан показал, что получил данную грамоту в наследство от отца, который в 1617 г. после заключения Столбовского мира поехал в Москву, где служил четыре года «без съезду». В Новгород он вернулся в 1619/20 г., купив эту грамоту за рубль (!) у подьячего, ее писавшего. На Вербное воскресенье 1625 г. Первой Прокофьев скончался, оставив гра-

моту Андрею Харламову, который позже передал ее сыну Прокофьева Степану, вернувшемуся из Москвы (Андрей был душеприказчиком Первого Прокофьева). В источнике говорится о том, что в 1625 г. Первой Прокофьев носил чин гостя, который, полагаю, он получил в Москве⁷. В грамоте 1629 г. к воеводе кн. Д. М. Пожарскому указывалось на проступок покойного «новгородского гостя Первого Прокофьева», «которой так сплутал, у того подьячего ту грамоту взял, не ведая для чего»⁸.

Хорошо известен новгородский гость Иван Харламов, который в 1611 г. вместе с посольством юрьевского архимандрита Никандра выехал в Швецию, позже осел в Ревеле по своим торговым делам и вплоть до Столбовского мира не появлялся на востоке Балтики. Однако в 1617 г. он смог получить жалованную грамоту царя Михаила Федоровича и водворился в Новгороде. Его сын Андрей Харламов, продолжая дело отца и ведя активную торговлю со Швецией, занял у шведского наместника Копорья Богуслава Розена более тысячи рублей. Долговые претензии Розена были, по его просьбе включены в наказ шведских послов к Михаилу Федоровичу, а затем и к Алексею Михайловичу; после смерти Андрея Харламова они были перенесены на его наследников. Примечательно, что во встречных долговых исках Харламовых к шведским подданным встречено имя Эверта Горна, погибшего еще в 1615 г. под Псковом⁹.

Шведские власти считали Ивана Харламова (а позднее и его сына Андрея) перебежчиками, нелегально вернувшимися в Московское государство после окончания сроков, установленных в 1617 г. в Столбове и неоднократно (не надеясь, впрочем, на успех) требовали их возвращения, наряду с перебежчиками-крестьянами. Новгородские власти, с санкции Посольского приказа, периодически давали отповедь шведским наместникам, которые утверждали, что Харламов перебежал «з женою и з детьми в Великий Новгород ис Колывани». В отписке новгородского воеводы кн. Д. И. Мезецкого (?) в Посольский приказ говорится: «И то, государь, он пишет мимо дела, Иван Харламов в Великий Новгород приехал не побегом, а побыл он в их стороне в городех для торгу, покамест Великий Новгород был за ними. А как, государь, меж тебя, великого государя, и государя их свейского короля мирное постановление учинилось, и Иван Харламов после мирного договору ис Колывани в твою государеву сторону отпущен и проезжая грамота ему дана за градскою печатью от колыванских бурмистров. А ис Колывани приехал во Псков, а изо Пскова приехал в Великий Новгород и в Новгороде его давно не стало»¹⁰.

Сохранилась жалованная грамота Ивану Харламову, выданная в 1617 г. царем Михаилом Федоровичем и подтвержденная в 1620 г. В отличие от Истома Демидова и Первого Прокофьева, Харламов не был среди «страдавших при шведах» новгородцев. Воспользовавшись теми возможностями, которые открывал новгородско-шведский альянс, он достаточно широко развернул торговлю в контролировавшихся в 1611–1617 гг. шведами балтийских горо-

дах, однако в 1617 г. предпочел присягнуть царю Михаилу Федоровичу. Н. Б. Голикова писала о жалованной грамоте гостя Ивана Харламова 1620 г., сравнивая ее с грамотой псковскому гостю М. А. Хозину и с корпоративной грамотой московскому купечеству 1613 г. Кроме всего прочего, в грамоту Харламову был включен пункт о разрешении с санкции властей ездить с любыми, помимо заповедных, товарами за рубеж¹¹. По наблюдениям Голиковой, Харламов перед пожалованием гостиним именем не имел крупного капитала, его даже задержали в Ревеле за долг в 400 руб., который его сын смог выплатить только в 1619 г.¹²

Андрей Харламов, который в 1611–1617 гг. был, вероятно, еще совсем молодым, бывал в эти годы, тем не менее, в Новгороде. 2 ноября 1614 г. он записал за себя холопа. Это характерно: известно, что значительная часть сделок по записи холопа оформлялась на детей, чтобы на более долгий срок привязать холопа к себе. Уже упомянутые Демидов и Прокофьев среди холоповладельцев не замечены.

При московской власти в 1621 г. Андрей Харламов служил в Новгороде таможенным головой¹³. В 1622 г. он получил чин гостя¹⁴. В Великий пост 1625 г. он оказался при смертельно больном Первом Прокофьеве, который «приказывал ему, Ондрию... отходя сего света, чтоб ему после него побережечь животов его до коих мест сын его Степан с Москвы в Великий Новгород приедет»¹⁵.

В начале XVII в. в Новгороде осела большая группа вяземских купцов, часто упоминаемых в новгородских таможенных книгах. Н. Б. Голикова отмечала заметную роль вязьмичей в посадской жизни Новгорода. По ее наблюдениям, один вяземский купец, Иван Никифоров, руководил новгородским денежным двором в Смутное время¹⁶. По документам начала XVII в. более всего известны Ануфрий (Онуфрий) Никифоров сын Дьяконов и Богдан Григорьев сын Шорин.

Дьяконов известен по таможенным книгам Новгорода с 1613/14 г., но, вероятно, оказался в Новгороде раньше. В марте 1613 г. и в 1615/16 г. его платеж в новгородскую казну исчислялся в 15 руб. Он не только не присягнул Густаву Адольфу, но и всячески способствовал успеху московской власти, помогая деятельности послов кн. Д. И. Мезецкого и А. И. Зюзина. В ночь на вторник, 3 октября 1615 г. лазутчик Данилко Ржева пришел на двор к Дьяконову. Тот устроил ему встречу с другим вяземским купцом, Севастьяном Вошеницыным, продававшим сапоги и солдатские куртки в королевском лагере под Псковом. Лазутчик получил информацию о расположении отдельных отрядов королевских войск на 28 сентября. 5 октября Дьяконов проводил его за три версты за город¹⁷. На московский посольский стан он отправил отписку (документ, который мог его скомпрометировать перед шведами). В ней Дьяконов извещал русских послов о том, что именно известно Делагарди о передвижениях московских войск. С некоторым злорадством он со-

общал: «Да тово Пундосов не ведает про государева боярина про князя Федора Ивановича Шереметева, что идет он подо Псков, да про то же государи у нас в Великом Новгороде и слуху нет»¹⁸. В Описи Посольского приказа 1626 г. числилось ненайденное дело вязьмича Онуфрия Васильева, «как он, будучи в Новгороде, государю служил и за то государь пожаловал его гостиным именем»¹⁹. Скорее всего, Дьяконов скончался (или постригся) вскоре после Столбовского мира. На заметных должностях, в отличие от Андрея Харламова, Первого Прокофьева и Богдана Шорина он не замечен.

Колоритной фигурой «эпохи сомнений» был другой вяземский купец Богдан Шорин. В 1615–1616 гг. он зарегистрировал три холопних записи (см. табл. 2). Он же назван среди уплативших платежей в марте 1613 г. и среди плативших солдатские деньги неприсяжных новгородцев в 1615/16 г. (см. табл. 1, 3). Оценка его деятельности современниками была неоднозначной.

Ю. Т. Копнин, бежавший из Новгорода на московский стан в Песках, назвал Шорина в числе инициаторов «всякого зла» в городе. По слухам, сообщенным служителем Дж. Мерика П. Томасовым, кн. Н. Мещерский присягнул королю Густаву Адольфу и убедил присягнуть также многих новгородских дворян, сказав, что присяга — гарантия от ссылки в Швецию. Посадских же людей уговорил присягнуть шведскому королю гость Богдан Шорин. О нем английский посол специально передавал в Москву: «ворует де в Новгороде вязмитин Богдашко Шорин, вмещает во всяких людей воровские слова, будто де казаки, которые на службе з боярином со князем Дмитрием Михайловичем Пожарским все отъехали к Лисовскому и московских людей казаки многих побили, да иные де непригожие воровские слова для смуты в всяких людей вмещает»²⁰. Богдан Шорин был родственником Григория Шорина, привлеченного после взятия Москвы по обвинению в сотрудничестве с польским гарнизоном в связи с делом Федора Андропова. Бежавший немного позже в московский стан старорусский подьячий Федор Витовтов говорил о намеренном распускании слухов теми новгородцами, которые сотрудничают со шведской администрацией: «А в Новгороде которые враги русские люди изо многих чинов люди, прелстяся к немецким державцом в народ во все лето донныне вмещают, что будтося под Смоленском король с королевичем и со всею Полшею, и московских людей под Смоленском побили и идет к Москве и хотят де на Московское государство литовского королевича, для того и с Свейским королем хотят миритца вскоре, чтоб помирясь с свейским с литовским управливатца. И им деи доколе zde миритца, а король с королевичем и на Москве будет, и наворотцы б и иных городов люди, которые под Свейскою державою узнав московского государя безсилна, на тот мир не прелщались. Да и многие неподобные речи про государя в народ вмещают»²¹. Полагаю, что среди недоброжелателей имелись в виду подьячий Григорий Собакин и Богдан Шорин, в то время действительно плотно сотрудничавшие со шведами. Но и они в свое время били челом московскому правительству с просьбой простить им такое сотрудничество.

В 1616 г. шведами был разграблен Хутынский монастырь: «А как деи в Спаском монастыре платитца стало нечем, и Яков де взял у них в уплату с чудотворца Варламия раку серебряну, а ныне деи в уплату продали паникадило меденое, а купил деи его Богдашко Шорин, дал 50 рублей, а цена де тому паникадилу была триста рублей, а вперед деи Футьнским старцам платитца нечем»²². В ноябре 1616 г. Деллагарди, находившийся в Ладоге и готовившийся к переговорам в Столбово, послал в Новгород торговых людей «Богдашка Шорина, да Сенку Игумнова, да Тимоху Хахина, а велел им новгородских всяких людей вызывать на королевское имя, а иных правежем неволить и приводить на королевское имя к кресту, а сами они хотят жить за королем в Ругодиве».

Ранее Шорин уже обращался к московским послам с принесением своей вины и послы решили переломить ситуацию в свою сторону. Они велели хутынскому архимандриту Киприану призвать к себе Шорина «и иных людей, которые немецким людям прямят» и тайно их уговаривать, чтобы они не служили шведам и не переманивали новгородцев на шведскую сторону. Д. И. Мезецкий писал в Москву: «И ты, государь, их пожалуешь, хотя буде чья вина, вину им отдашь, то ся делало от неволи, бояся от немецких людей смертново убийства и грабежу, и то ныне все будет твоей царскою милостью покрыто и вперед не памятно». Киприан, по словам послов, в Новгороде уговаривал оставшихся людей «чтоб не ослабело х концу и не смутились, а были б надежны на твою царскую милость». Шведы же давали льготу тем, кто уходит на «немецкую половину». Те, кто «доброхотает свейскому королю», боятся от московской власти опалы и смерти, «и от боязни хотят ехать в Свею». Архимандрит же и антоновский игумен Павел «тех людей розговаривают и емлют на свои души клятвою и дают в поруке Софею Премудрость Божию и ноугородцких чудотворцов, что им от тебя, государь, будет милость»²³.

В конце января 1617 г. Шорин был единственным торговым человеком-представителем новгородского посада, кто подписал грамоту митрополита Исидора и всех новгородцев к послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами с сообщением о непомерных насилиях шведских оккупационных властей и о принуждении многих новгородских посадских целовать крест Густаву Адольфу (к чему незадолго до этого призывал сам Шорин): «страдные людцы Ивантей Сергиев, Офоня Лесовик, Степанко Соболев и прочие таковые не истерпя мучения на правежи, бьют челом немцом, а иных силно емлют и татарских жон везут, которые к государю отъехали, и посадского тяглово чело века изневолили Ивана Воскобойникова Вязмитина: был в тягле з денги, и Ирик на нем велел правит из гроша сто сорок рублей по Томилину наученью, и не истерпя, дал челобитную им, а после того нам бил челом и челобитную за своею рукою подал, чтоб нам его не выдати, утесня деи надо мной так зделали, а не моим хотеньем»²⁴.

О татарских женах Шорин знал точно: новокрещены Танаев и Охкобяков, летом 1617 г. бившие челом о вспомошествовании, утверждали, что перед передачей Новгорода Москве они «...покия в Новгороде жон своих и детеи со всеми животы, и после де их неметцкие люди жон их и детеи мучили на пытках, огнем жгли, животы их все поимали и хотели жон их и детеи свесть съ собою в свою Неметцкую землю на поруганье». В Новгороде их выкупили Водской пятины дворянин Григорий Никитин Муравьев, дяки Семен Лутохин и Пятой Григорьев, а также торговый человек Богдан Шорин²⁵.

Шорин пережил передачу Новгорода московским послам и наряду с другими новгородцами не был подвергнут репрессиям. Его имя также фигурирует в следственном деле о ратификационной грамоте, найденной в 1627 г. в новгородском торге. 1 мая 1627 г. доносчики сообщили, что «шли де они Большим рядом в приказ, ажно де у лавки торгового человека Богдана Шорина стоят многие люди, а чтут лист харатейной. И они де, приход к ним, к лавки, того листа посмотрели, ажно де писана грамота от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси к свейскому королю о мирном договоре и о послех о князе Федоре Петровиче Борятинском с товарищи. И в тои де грамоте посольская договорная запись вся описана подлинно, а в начале де государево именованье и по краем каймы писаны золотом». Человек Шорина Сергушка сообщал любопытным подьячим, что эта грамота взята его хозяином у сына Первого Прокофьева Степана. На допросе Шорин показал, что взял эту грамоту у Степана Прокофьева «к себе в лавку почесть, а почетши его и отдал Степану назад, а с тово листа себе ничево не списывал для того де, что то дело великое»²⁶.

Таблица 1. Чрезвычайные платежи новгородцев в марте 1613 г. и в 1615/16 г.

Плательщик	Сумма, уплаченная в марте 1613 г. (руб.)	Сумма, уплаченная в 1615/16 г. (руб.)
Митрополит и монастыри	350	650
Новгородский посад	350	не упомянут
Дворяне, подьячие и рассыльщики, «которые за государевым делом не ходят»	150	не упомянут
Тимофей Хахин, переводчик, торговый человек	25	100
Гость Истома Демидов	22	100
Гость Первой Прокофьев	20	100
Ануфрий Дьяконов, вяземский купец	15	100
Степан Спячий, митрополичий дяк	15	100
Богдан Шорин, вяземский купец	15	100

Источники: Роспись сбора кормовых денег ратным людям. 20.03.1613. (RA. NOA. Serie 2:140. В. 1 об.); Роспись денежных доходов с Новгородского посада. 1615/16 г. (Ibid. Serie 2:357. В. 15–16).

Таблица 2. Запись холопов посадскими людьми-новгородцами в 1614/15–1615/16 гг.

Имя	Дата записи	Число холопов
Андрей Иванов Харламов	02.11.1614	1
купец Богдан Григорьев Шорин	03.12.1615, 09.12.1615, 30.03.1616	3
Кирилко Федоров Мыльник	16.12.1615, 18.12.1615, 01.01.1616 (трижды), 08.01.1615	6
митрополичий крестьянин Самуйло Григорьев Серебряник	12.01.1616	1
Томило Михайлов Пристальцов	20.02.1616	1

Источники: Новгородские кабальные книги за приписью дьяка Семена Лутохина. 1614/15 г. Записывал дьяк Семен Лутохин (РА. NOA. Serie 1:65); Кабальные книги за приписью дьяков Семена Лутохина и Пятого Григорьева. 1615/16 г. (Ibid. Serie 1:107; Опубл.: *Sundberg H.* The Novgorod Kabala Books of 1614–1616: Text and commentary. Stockholm, 1982. (Acta Universitatis Stockolmiensis. Stockholm Slavic Studies; Vol. 14).

Таблица 3. Роспись денежных платежей каждые 10 дней с Новгорода по известиям от подьячего Третьяка Никитина по «уложению» от 20 марта 1616 г.

Плательщик	Сумма (руб.)
Митрополит, монастыри, попы, дьячки, пономари	350
Посадские люди	350
Дворяне, дети боярские, рассыльщики, подьячие (кроме тех, кто целовал крест Густаву Адольфу)	150
Митрополичий приказной Иван Лутохин	15
Митрополичий приказной Степан Спячий	15
Судья Василий Зиновьев	10
Гость Истома Демидов	25
Гость Первой Прокофьев	(пропуск)
Торговые люди, которые тягло не тянут:	
Тимоха Хахин	25
Богдан Шорин	15
Онуфрий Вязмитин	15
Славковский дьячок Сенька	10
ИТОГО	980 *

* Без Первого Прокофьева, с ним, вероятно, 1000 рублей.

Источник: Расспросные речи подьячего Третьяка Никитина о новгородских вестях. 03.06.1616. (РГАДА. Ф. 96. 1616 г. Д. 7. Л. 45–50).

Примечания

* В данной научной работе использованы результаты проекта «История конструирования политического пространства и мобильности: политическое воображение, социальные практики и материальные инфраструктуры», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 и 2014 г.

¹ *Селин А. А.* Семья новгородских купцов Иголкиных до Смуты, в Смуту и после нее // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Второго междунар. науч. конф.* (Курск, 2009 г.). Курск, 2009. С. 49–53.

² *Кобзарева Е. И.* Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // *НИС.* Вып. 9 (19). СПб., 2003. С. 347–348, 352.

³ *Распросные речи лазутчика Данила Кондратьева Ржевы, посланного в Старую Руссу и в Новгород.* 12.10.1615. (РГАДА. Ф. 96. 1615 г. Д. 10. Л. 294–302).

⁴ *Греков Б. Д.* Новгородский дом Святой Софии. СПб., 1914. С. 480–481.

⁵ *Голикова Н. Б.* Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI — первой четверти XVIII в.: из науч. наследия. М.; СПб., 2012. С. 168.

⁶ *Кобзарева Е. И.* Переговоры Новгорода... С. 347–348, 352.

⁷ *Распросные речи подьячих Новгородского разряда Григория Федосеева, Богдана Воломского и Ивана Карпова и поручная запись по С. П. Прокофьеве.* Список. 01.05–25.08.1627. (РГАДА. Ф. 96. 1629 г. Д. 2. Ч. 1. Л. 55–58).

⁸ *Царская грамота (из Посольского приказа) в Новгород воеводе кн. Д. М. Пожарскому об укре новгородцев, чтивших утвержденную грамоту по дурости.* 18.02.1629. (Там же. 1629 г. Д. 2. Ч. 1. Л. 59–61).

⁹ *Эскин Ю. М.* Пожарский на воеводстве в Новгороде // *Paleobureaucratica: Сб. ст. к 90-летию Н. Ф. Демидовой.* М., 2012. С. 367–368.

¹⁰ *Отписка новгородского воеводы кн. Д. И. Мезецкого (?) с товарищами в Посольский приказ о напрасных претензиях шведской стороны о перебегчиках. 1621–1623 гг. Фрагмент (без начала и окончания) (НИА СПбИИ РАН. Кол. 109. Д. 942).*

¹¹ *Голикова Н. Б.* Привилегированное купечество... С. 45–46.

¹² Там же. Привилегированное купечество... С. 64.

¹³ Там же. С. 169.

¹⁴ Там же. С. 46–47.

¹⁵ *Распросные речи подьячих...*

¹⁶ *Голикова Н. Б.* Привилегированное купечество... С. 124, 127–128.

¹⁷ *Распросные речи лазутчика...*

¹⁸ *Вестовая грамота Ануфрия Дьяконова к послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами из Новгорода.* 05.10.1615. (РГАДА. Ф. 96. 1615 г. Д. 10. Л. 303–304).

¹⁹ *Голикова Н. Б.* Привилегированное купечество... С. 46–47.

²⁰ *Распросные речи Юрья Третьякова Копнина в Москве.* 23.10.1615. (РГАДА. Ф. 96. 1615 г. Д. 10. Л. 312–316).

²¹ *Дело о побеге Федора Андронova с двора кн. Ф. И. Волконского из-под стражи.* 24.03–16.05.1613 // *Смутное время Московского государства.* Вып. 3: Акты времени междоусарствия. М., 1915. С. 61–80.

²² *Распросные речи певчего дьяка Самуила Евтихеева и федоровского дьячка Ивана Михайлова в Тихвине перед послами кн. Д. И. Мезецким с товарищами.* 19.06.1616. (РГАДА. Ф. 96. 1616 г. Д. 7. Л. 274–278).

²³ *Отписка послов кн. Д. И. Мезецкого в Посольский приказ об известиях от Солового Протасьева из Ладogi.* После 09.12.1616. (Там же. 1616 г. Д. 10. Л. 137–140).

²⁴ Грамота митрополита Исидора и всех новгородцев к послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами о своем конечном разорении. После 20.01.1617. (Там же. 1617 г. Д. 2. Л. 266–270).

²⁵ Грамота царя и великого князя Михаила Федоровича в Новгородскую четверть боярину кн. Г. П. Ромодановскому и дьякам А. Витовтову и П. Матюшкину о выдаче новокрещену Ивану Танаеву и Гавриле Охлобьякову по их челобитью половины выкупа за их жен из немецкого плена. 03.07.1617. (НИА СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 68 об.–70).

²⁶ Расспросные речи подьячих...

А. И. Раздорский

ТАМОЖЕННЫЕ И КАБАЦКИЕ ОКЛАДЫ И СБОРЫ В ГОРОДАХ ЮГА И ЗАПАДА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В XVII в. (по материалам приходо-расходных книг московских приказов)

В Московском государстве в XVII в. при определении размеров таможенных и кабацких доходов, запланированных к поступлению в казну в очередном году, применялась окладная система исчисления. Для каждого города ежегодно устанавливалась минимальная окладная сумма, которую следовало собрать в виде таможенных пошлин и прибыли от казенной торговли алкогольными напитками. Оклады назначались различными центральными приказами, между которыми было распределено получение таможенных и кабацких доходов на той или иной территории страны.

Практиковались два способа организации взимания таможенных и кабацких доходов — «откупной» и «верный». В первом случае указанные сборы сдавались властями на откуп (в аренду) частным лицам. Откупщик вносил в казну в установленный срок заранее оговоренную денежную сумму, состоящую из оклада, назначенного для конкретного населенного пункта на очередной год, и дополнительной платы — наддачи. Весь полученный от взимания таможенных и кабацких доходов избыток, превышавший сумму взносов в казну, оставался откупщику. Откупщикам выдавались откупные грамоты, в которых излагались виды и размеры платежей, подлежащих взысканию, порядок и способы их взимания, место и сроки уплаты. Откупной способ для правительства являлся в целом более предпочтительным, так как при нем оно получало гарантированный доход и было застраховано от разного рода случайностей, обусловленных колебанием рыночной конъюнктуры и другими экономическими и политическими факторами.

Однако власти далеко не всегда могли найти желающих взять таможную и (или) питейные заведения на откуп. В этом случае для получения таможенных доходов и кабацкой прибыли применялся «верный» способ. Суть его состояла в том, что взимание данных сборов возлагалось на выборных лиц, «приведенных к вере», т. е. к присяге. Во главе местных таможенных и пи-